

КРИЗИС НАДЕЖДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коврижных К.В.

Научный руководитель – доцент, Дёмина Н.А.

Сибирский федеральный университет

Стремительность и разнообразие перемен, произошедших с человечеством в последние десятилетия, привели человека к ощущению «тупика». И хотя многие люди сохраняют оптимизм и веру в то, что курс, по которому движется общество, все еще может привести нас к «прогрессу», тем не менее, повсеместно распространено настроение безнадежности. Отражением этого является увеличение мыслителей, которые констатируют ложность ориентиров и целей современной цивилизации, а также тех ученых, которые заявляют об отсутствии цели в движении цивилизации вообще.

В подобной ситуации становится актуальным переосмысление старых и поиск новых способов отношения к действительности: к природе, к обществу, к самому себе. Такой критический анализ и поиск путей, ведущих к воскресению человека, «умершего», со слов Э. Фромма, в XX веке, я пытаюсь предпринять в своей научно-социальной деятельности.

Кризисом современного общества - я называю - кризис надежды. Феномен надежды, смысл этого понятия, ее сущность, а также принцип надежды - вопросы, которые на протяжении всей истории философии не подвергались фундаментальному научному изучению. Как отмечает О.С. Разумовский, «ими больше занимались поэты и писатели, часто живописцы и скульпторы...». Наиболее солидные работы, попавшиеся мне в процессе моего исследования феномена надежды, принадлежат Э. Блоху и Э. Фромму.

По словам Бережного Н.М., образовавшийся «духовный вакуум породил тяжелые последствия для судеб миллионов людей, сумятицу в умонастроениях и выборе смысла жизни. То, что вчера казалось святым и незыблемым, сегодня растоптано безудержным стремлением к обогащению меньшинства и всеобщим унынием большинства, для которых утеряны социальные и личные ценности, ради которых стоит бороться за которые можно умереть».

В соответствии с теорией Э. Блоха (теоретические положения Блоха представлены на основании автореф. дисс. Вершинина С. Е. «Философия надежды Эрнста Блоха: оправдание утопии», - Прим. автора) надежда есть аффект, а также категория, имеющая онто-гносеологический и социологический статус. Согласно Блоху, жизнь есть эксперимент, наполненный риском и страхом, а надежда, наряду с уверенностью, есть позитивный аффект ожидания «неопределенного, но принципиально возможного позитивного». Надежда «противоположна страху» и «руководит ликвидацией страха». Но не только. Надежда - это «наиболее человеческое из всех движений души», «направляющий акт познания». Надежда - «это всегда признак некоей душевной силы», практически-деятельной, волевой, осознанной и рационально осмысленной, направленной на поиск смысла и путей изменения, преобразования мира. Социально-общественный характер надежды следует из того, что надежда, по Блоху, есть синтетическая категория, соединяющая инстинкты, аффекты, мышление, мораль и культуру.

Подобные размышления обнаруживаются у Э. Фромма. Надежда – это «естественное состояние бытия человека». Надеющийся человек всегда знает свои цели и оценивает собственные возможности их достижения. Надежда имеет устойчивый характер, основанный на личном опыте, на рациональном обосновании того, во что верит человек. Надежда предполагает четкое целеполагание, деятельную заинтересованность, уверенность в том, что та возможность, которую он преследует, может стать действительностью. Подобно тому, как ученый, веря в свою гипотезу, надеется на то, что она окажется истинной, так и в повседневной жизни человека может мотивировать к активной творческой деятельности только надежда, вера в то, что он поступает правильно и целесообразно, что то, к чему он стремится, сделает его счастливым.

О.С. Разумовский, определяя ценность надежды и саму надежду, говорил, в целом, следующее: надежда - это обращение к идеалу, к лучшему, к будущему, [обращение] заставляющее мыслить «хотя бы минимально рационально», способствующее самоопределению и жизнеутверждению, служащее «лекарством» от «неуверенности, сомнений, колебаний, различных страхов и фобий, паники и отчаяния».

На основании теоретических данных я вывожу следующее определение феномена надежды: это неотъемлемая форма существования человека, определяющая направление деятельности личности, ее мотивы и практические цели, характеризующаяся активной заинтересованностью личности в чем-либо, рационально-осмысленными актами воления; связывающая экзистенциальное и социальное бытие человека.

Кризис надежды определяет отсутствие социальных условий, способствующих удовлетворению сущностных человеческих потребностей. В условиях рыночных отношений, формируемых человека-потребителя, ориентированного на достижение сиюминутных потребностей и отчужденного от стремления к возвышенным потребностям, оказались современные поколения. Удовлетворение потребностей мотивируется всеобщими ценностями, обуславливающими человеческую надежду и следующую из нее деятельность.

В современном западном обществе человеческая деятельность мотивируется, по преимуществу, удовлетворением потребности в материальных благах. Тогда, когда достаточный для выживания человека объем материальной продукции произведен и оставшуюся энергию, физическую и интеллектуальную, можно было бы направить на удовлетворение более высоких форм потребностей, человек продолжает производить больше, а значит, стремится (или вынужден самими условиями капиталистического общества) больше потреблять. Конечно, в той мере, в которой ему это позволяют его средства.

Вся человеческая энергия направлена на удовлетворение своих желаний, которые он заимствует из социальной среды. Более быстрому донесению информации, а точнее сказать, внушению «правильных» желаний и устремлений, способствуют СМИ. С экранов телевизоров, в интернете, нам демонстрируют индивидуальное богатство: красивые вещи, машины, дома и прочие мелочи, которые важно иметь, чтобы чувствовать себя комфортно, а, значит, быть счастливым.

Потребительские приоритеты определяют и межличностную коммуникацию. Люди «избирают» себе друзей или спутников жизни согласно их обменной ценности, согласно тому, насколько человек интересен с точки зрения возможности удовлетворить те или иные потребности.

Стоит отметить, что и наука, как движущая сила прогресса, сегодня приобрела явно выраженный экономический характер. Наука сегодня более имеет не

«исследовательский, а потребительский, коммерческий эффект», - отмечает Юдин Б.Г. Наука работает с теми формами знания, которые можно продать. Она создает «новую жизненную среду человека и ставит под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности» (Лекторский В.А.).

Адекватно оценить современную социально-психологическую атмосферу представляется целесообразным с понятийных позиций, выведенных, в частности, из работ Э. Фромма.

Активность и занятость. Надежда предполагает внутреннюю активность, напряжение. Это состояние ума человека, готовность постигать мир в его многообразии, углубление и проникновение в его сущность. Занятость. Многие люди считают себя активными, потому что всегда чем-то заняты, им всегда некогда, они постоянно спешат. Часто, такая «активность», стимулируемая извне, посредством общественных ожиданий, но сам человек остается внутренне пассивным, в силу глубоко личностной не заинтересованности.

Вера и убежденность. Вера есть фундамент надежды. Такая вера всегда рациональна, потому что основана на индивидуальном знании, которое позволяет человеку надеяться, выдвигать гипотезу, действовать. Убежденность есть иррациональная вера: доверие чему-то данному. Это доверие авторитету, идолу.

Стойкость и устремленность. Стойкость предполагает готовность человека, несмотря на неудачи, всегда вновь и вновь идти вперед, никогда не отчаиваться и верить в созидательную силу разума. Устремленность же, часто, не имеет под собой такого прочного фундамента силы духа. В тот момент, когда стойкость направлена на внутреннее переживание, борьбу, желание жить в любой момент действительности, устремленность предполагает наличие внешних действий и условий, мотивирующих желания, и, зачастую, внешней борьбы, как способа достижения цели.

Интерес и любопытство. Понятие интереса происходит от латинского «interesse» - быть между. Это означает, что человек погружается в мир как систему и способен находить связи. Такого человека привлекает все, весь мир в согласии. Любопытство не имеет свойства проникать в сущность вещей, а, значит, знать вещь. Любопытный человек всегда много чего знает о чем-либо, но никогда не знает это что-то. Его знание поверхностно, а внимание рассеянно.

Ответственность и обязанность. Ответственность предполагает добровольную заинтересованность в благополучии кого-либо. Обязанность имеет характер принуждения, а, соответственно, осуществляется посредством насилия над человеческой волей. Насилие – антоним свободы. Человек обязанный никогда не есть человек свободный. Он может выполнять обязанность, но его может совершенно не заботить, что его действия значат для других, за него уже все решили.

Даже при простом наблюдении, эмпирически становится очевидным, что современным поколениям, очень часто, свойственны именно вторые позиции, нежели первые.

Таким образом, современное общество потребления не способно удовлетворить сущностные человеческие потребности, сделать человека счастливым, так как препятствует этому посредством ложных жизненных ориентиров.

Возникает вопрос: что необходимо для того, чтобы пробудить в человеке надежду, склонить его разум к переосмыслению жизненных приоритетов?

«Человек может жить лишь в том случае, если его нужды находятся в соответствии со средствами их удовлетворения», - такой вывод делает Эмиль Дюркгейм. В современном обществе совершенно отсутствуют границы, за которыми возможность потребления уже не связана с необходимостью. Если мы *можем* себе это позволить, значит это *должно* у нас быть. То же самое в науке: если мы можем создать

атомную бомбу, мы ее создадим, если мы можем создать биологическое оружие, мы его синтезируем, если мы можем создать супер-машину, мы ее сконструируем. Но если человек не обладает средствами, которыми можно удовлетворить нужды, а нужды растут с каждым последующим шагом? А что делать человеку, который может позволить себе все или почти все? Такой человек, скорее всего, ощутит скуку и безнадежность.

На мой взгляд, одним из наиболее важных факторов, влияющих на переоценку жизненных ценностей, является вера в Бога. При этом речь идет о духовном феномене, а не о социальном институте религии. В современном мире, где человек погружен в атмосферу ложных ценностей, противоречащих здравому смыслу, и вера как основание мировоззрения актуальна как никогда.

И, в самом деле, может ли человека, верящего в продолжение своего существования в бытии, выступающем инобытием по отношению к реальности, в которой он находится в действительный момент, захватить процесс потребления и желание обеспеченности материальными благами настолько, насколько это имеет место быть у человека, убежденного, что «один раз живем» и «нужно брать от жизни все»? Все, что предлагают; все, что можешь себе позволить, конечно.

Если же человек верит, что его экзистенция не ограничена пределами реальности, в которой он находится сейчас, то голос разума ему подскажет, как следует поступить, а внутренняя стойкость даст силы для переосмысления. Другими словами, если человека не удовлетворяет реальная наличная действительность, то, веря в Бога, человек всегда имеет некое «пространство», дающее ему возможность для переоценки смысла своего существования в этой действительности, где само существование не ограничивается ею. Такой человек будет выделять в своей жизни такие ценности, которые имеют значение в любой момент его существования. Многие материальные ценности играют важную роль в жизни человека, но человек, верящий в Бога, вероятнее всего, не будет останавливаться на этом, не будет делать акцент только на их количество, нежели на качество.

Процесс расширения человеком реальных пределов своего бытия до пределов трансцендентального я называю осознанием подлинных пределов экзистенции.

Важно отметить, что вера в Бога - рациональна: она основана на первичных фактах, на индивидуальном знании (интуиции). Божественное не может отрицаться хотя бы потому, что мыслится на протяжении всей истории человека, с момента появления у него разума.

В качестве частичного обоснования моей гипотезы, полагаю, послужит сравнительная характеристика статистики религиозности в наиболее экономически развитых странах мира со статистикой самоубийств в этих странах. Стоит ли отрицать, что отказ от самого ценного, что есть у человека, есть наиболее болезненное проявление безнадежности?

Возьмем статистику религиозности Грегори Пола (подобной статистике «Института Гэллага», не учитывающей следование людей, называющими себя верующими, предписанным ритуалам и культам, с одной стороны, и буквальное прочтение священных писаний – с другой) из его статьи, опубликованной в 2009 году в журнале «Evolutionary Psychology», и статистику самоубийств Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization). Окажется, за некоторыми разночтениями, требующими более глубокого исследования, что в наименее религиозных странах количество самоубийств больше, нежели в странах более религиозных. Помимо собственно мировоззренческих религиозных оснований, способствующих иному мировосприятию, следует отметить, что религия как институт интегрирует людей в

социальные группы, что способствует наличию более устойчивого положения человека перед лицом неудач, кризиса.

Но даже если предположить, что религиозность не является столь значимым фактором, то все равно окажется, что самоубийств больше в странах наиболее развитых с экономической и технологической стороны, нежели в странах более низкого уровня развития. Исключением из списка являются страны СНГ. Причина - крах идеологии: гибель идеологии погружает человека в дихотомическое культурное пространство, создает противоречие между прежними и новыми способами ориентаций в мире.

Современная философия стоит перед фундаментальной проблемой переосмысления места человека в мире, смысла его существования, гуманизации науки и социальных сфер, решения проблемы свободы и подлинных творческих потенций человека в сложившихся социально-общественных условиях.